

© 2010 г.

В.Л. МАЛЬКОВ

**ВУДРО ВИЛЬСОН И ЕГО
“ПРИНЦИП НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ”:
ВЗГЛЯД ИЗ СОВРЕМЕННОСТИ**

Разочарование в итогах Версальской конференции дало повод очень многим писать о ее центральной фигуре, 28-м президенте США Вудро Вильсоне, с нескрываемой издевкой как о “непонятом пророке”, мистике и оторвавшемся от жизни идеалисте. Однако концепт нового миропорядка, в основе которого заложено было представление о равновесном состоянии национальных суверенитетов больших и малых стран и добровольный их отказ от части этих суверенитетов взамен наделения обязанностями “блюстителя порядка”, наднационального регулятора международной безопасности (Лига наций) сам по себе не был деструктивной идеей, способствовавшей переходу мира к провально катастрофической фазе развития¹. Думается также, что излишне резко звучат и обвинения со стороны известного историка Э. Хобсбоума в навязывании Вильсоном мировому сообществу проекта “стерильно чистых наций-государств”, которые, разорвав в 90-х годах XX в. Европу межнациональными конфликтами, вновь “вернулись на насест птенцами Версаля”².

Личина всегда упорствующего на своем человека скрывала прошедшего огромную школу подкованных интриг искусственного политика, скрывающего свои сомнения и неосведомленность о сложнейших этнополитических процессах в Европе и больше уповающего, может быть, на случай, интуицию, нежели на трезвый расчет и советы окружения. Конечно, от многих иллюзий и внутренних установок уже по ходу событий Вильсону пришлось отказаться. И, пожалуй, можно было бы сказать, что именно трансформация империи Габсбургов из полиэтничной, цветущей страны европейской культуры в поделенную на составляющие ее с благословения великих держав проблемные нации-государства территорию поставило перед президентом США трудноразрешимую задачу. Главное – пришлось расстаться с той моделью, которая в общих чертах первоначально сложилась у него в голове как следствие кризиса имперства и пробуждения колониальных народов.

Помимо его желания эта модель по определению должна была претерпеть существенные изменения к началу работы Версальской конференции и, если оставить нюансы в стороне, стать подлинным отражением новой “либеральной” политики в части признания естественного и неотъемлемого права малых народов на самоопределение (с чем Европа только начинала осваиваться) при сохранении стабильной конструкции

Мальков Виктор Леонидович – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ См. *Романов В.В.* В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921). М. – Тамбов, 2005, с. 33–39, 112–132.

² См. *Hobsbawm E.* The Age of Extremes. A History of the World, 1914–1991. New York, 1995, p. 31.

исторически сложившегося мирового баланса сил и последовательного распространения “канонов американизма” и “моральной ответственности” США. Данная политико-правовая формула сопровождалась разного рода оговорками, но и в таком виде она была настороженно встречена в европейских столицах, где отвергали возможность распространения “фантазий” Вильсона прежде всего на колониальный мир. Но больше всего пугали призывы к “справедливому” упорядочению территориальных притязаний новоявленных кандидатов на вхождение в европейский политический ландшафт в качестве самостоятельных игроков в борьбе за место под солнцем³.

Поднятая в этом кратком эссе тема имеет разные грани. Мы сосредоточились лишь на некоторых из них, преимущественно тех, которые были тесно связаны с поисками Вильсоном в его представлениях адекватных меняющейся ситуации решений. Выделим следующие пункты.

Первое. “Принципы национальностей” (в другой редакции – право наций на самоопределение), выдвинутый президентом США осенью 1915 г., был тесно увязан с усвоенными им историческими документами и уроками эпохи Войны за независимость в США и еще не утратившими свое гипнотическое воздействие на умы американцев идеями народоправства А. Линкольна. Как политик, чутко ощущавший пульс разбухших войной бунтарских настроений и движений, Вильсон полагал, что наследие американских просветителей и демократизм великого президента-реформатора Линкольна отвечают ожиданиям народов, жаждущих мира, равноправия и надежных гарантий безопасности. Признание этнонационального фактора в качестве ведущей силы, расшатывающей европейскую стабильность, подталкивало к поискам ответа, как избежать катастрофы в масштабах континента, вселенского хаоса, войны всех против всех.

Но, как замечают многие исследователи исторических корней вильсонизма, президент сам с неотвратимостью стал инструментом хода развития американского “эксперимента” с его культом государственной системы “первой новой нации” и парадоксальным образом мышления американцев (о котором писал еще Алексис де Токвиль), постоянно рассуждающих о замечательном равенстве в США и втайне восхищающихся аристократизмом Старого Света⁴. В этом отчасти следует искать объяснение отсутствия твердого мнения и осторожность Вильсона в вопросах будущего австро-венгерской монархии и народов, долгое время благополучно уживавшихся под скипетром божественно-либеральной монархии Габсбургов, а затем осознавших себя угнетаемыми, зависимыми или поработченными авторитарным режимом⁵. Т. Джефферсон, так же, как и многие лидеры республиканцев-южан, неоднократно демонстрировал подобную же раздвоенность мышления, заявляя о готовности поддержать “тираноборцев” и всех сражающихся за свободу от цепких объятий архаичной власти, впрочем, не скупясь на похвалы достижениям культуры старой Европы, цивилизованности ее политической элиты, качеству просвещения, науки и т.д.⁶

В полной мере эти черты были присущи Вильсону-дипломату. Кроме того, ему были хорошо знакомы перемены в настроениях американцев в отношении проявлений регионализма и сепаратизма после Гражданской войны между Севером и Югом. Говорить о сецессии, этническом, культурном и политическом обособлении перифе-

³ Панорама национальных движений в Европе и их политических программных установок перед Первой мировой войной и в ходе ее ярко и глубоко раскрыта в статьях В.Н. Виноградова и Т.М. Исламова (см. *Виноградов В.Н.* На руинах многонациональных империй; *Исламов Т.М.* Распад Австро-Венгерской монархии и его последствия в политической эволюции средневропейского региона. – Первая мировая война. Пролог XX века. Под ред. В.Л. Малькова. М., 1999, с. 327–341, 341–354).

⁴ См. *Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М., 2000, с. 415.

⁵ По этому важному вопросу мы солидарны с выводами, изложенными Т.М. Исламовым в его рецензии на труд австрийских историков, опубликованный в 2003 г. (Новая и новейшая история, 2004, № 5, с. 247–250).

⁶ *Печатнов В.О.* Гамильтон и Джефферсон. М., 1984, с. 136–154.

при от “материнской платы” в Америке после Гражданской войны становилось непатриотичным и даже небезопасным. Американцы не могли простить сецессионистам их измены борцам за создание величественного “Храма на холме”. Этим, в частности, объяснялись благожелательность американского общества к российскому императору Александру II и прохладное отношение американцев к польскому восстанию 1863 г. В государственно-правовой практике они, по словам исследовательницы дипломатии Вильсона проф. Б.М. Антербергер, нашли воплощение в “отрицании права местных общин в рамках конституированного федерального образования самостоятельно определять свою принадлежность к тому или иному образованию, и данный отказ был подкреплен военной силой”⁷.

Второе. Расщепление вильсоновского понимания суверенитета (преклонение перед революционной смелостью главного героя Войны за независимость Дж. Вашингтона и мужественным самопожертвованием А. Линкольна, ради спасения Союза решившегося на Гражданскую войну) оказалось парадоксально востребованным в годы Великой войны. Вильсон предстал сразу в двух ипостасях – знаменосца малых народов, страдающих от ущемления или даже подавления самобытности, и их мудрого советчика, предупреждающего от опрометчивых разрывов с народом-созеренном, который обеспечивает относительную защищенность в экономическом, правовом и военном пространстве империи, культурный прогресс нацменьшинств. Любое нарушение равновесия, любой распад Вильсон воспринимал как начало цепной реакции, последствия которой (в том числе и международные) могли стать непредсказуемыми в случае вмешательства сил, готовых воспользоваться ослаблением центральной власти себе в угоду.

Третье. Трактовка европейского конфликта Вильсоном была очень близка распространному тогда в Америке взгляду на происхождение Великой войны, возлагавшему вину на алчность и вожделения европейских режимов, прежде всего германского, точнее, на агрессивную династическую политику и милитаристские круги, в принципе не имеющие ярко выраженной национальной принадлежности, будь то Германия, Франция, Англия, Россия или Австро-Венгрия. Особенно активным проводником этого взгляда в США был очень влиятельный американский экономист и социолог Т. Веблен. Но его оценка *непосредственных* причин войны была однозначной: имперская Германия и удвоившая ее амбиции промышленная революция⁸. Классический империализм конца XIX – начала XX в. – германский, а он, согласно Веблену, был результатом сплава интересов монополистической буржуазии и феодального государства, составляющим единое целое с военной верхушкой.

Вильсон воспринял эту теорию как очень близкую его пониманию событий в Европе. Говоря о причинах войны, президент и его ближайшие советники не колеблясь указывали прежде всего на германский (пруссский) империализм, точнее на его носителей – германскую феодальную аристократию и прусский милитаризм, т.е. на людей и касты, не достойных, с их точки зрения, доверия, амбициозных мастеров интриг, лишенных политического благоразумия, одержимых планами захватов, не желающих руководствоваться правилами честной конкурентной борьбы, жаждущих быть первыми по праву власти и происхождения, а также в силу непомерно раздутого чувства национального превосходства⁹. Однако же обвинения в Америке при случае готовы были предъявить и Англии. Нерешенными, как писал Э. Хауз президенту Вильсону

⁷ *Unterberger B.M.* A Wilsonian View of Self-Determination for Eastern Europe and Russia. – A Weekend with the Great War. Proceedings of the Fourth Annual Great War Interconference Seminar. Lisle, Illinois, 16–18 September 1994. Shippensburg (PA), 1995, p. 217; *Журавлёва В.И.* Эхо Гражданской войны 1861–1865 гг. в российско-американских отношениях. – Авраам Линкольн. Уроки истории и современность. М., 2010, с. 176, 177.

⁸ *Veblen Th.* Imperial Germany and the Industrial Revolution. New York, 1915.

⁹ См. *The Papers of Woodrow Wilson* (далее – PWW). Ed. A. S. Link, v. 45. Princeton, New York, 1984, p. 194–202.

еще летом 1919 г., оставались те же главные факторы, которые “втянули нас в войну” в 1917 г. Оба они – и Вильсон, и Хауз – были англофилами, но не закрывали глаза на глубину конфликта интересов двух ведущих держав победившей коалиции и на ту почву, которая могла в очередной раз толкнуть их на повторение “колоссальной ошибки”¹⁰ Германии, т.е. к войне на морях за мировую гегемонию.

Многонациональная империя Габсбургов была отнесена к особому случаю, но после своего ультиматума Сербии она также попала в категорию стран, стремящихся править “железом и кровью”. Как это четко представлялось Вильсону, Австро-Венгрия, напарница Германии, играла подсобную и одновременно инициативную роль в союзе агрессоров и их империалистических замыслах, хотя наличие центробежных тенденций (при всем благополучии фасада) в ее структуре превращало в перспективе двуединую монархию в далеко не самое прочное звено военно-политического блока Центральных держав¹¹. И не только. Народы империи наделялись в выступлениях президента симпатиями и сочувствием, подогревавшими надежды на скорое признание их суверенных прав. В своем программном послании конгрессу от 4 декабря 1917 г. Вильсон заявлял: “Мы считаем себя обязанными сказать, что не хотели бы каким-либо путем нанести урон австро-венгерской монархии или реорганизовать ее. Совсем не наше дело, как там изменят свою жизнь в экономическом или политическом отношении. Мы не имеем цели или желания диктовать им, что делать. Единственное наше стремление – видеть, что их проблемы решаются ими самими и только. Когда это касается больших вопросов и когда речь идет о второстепенных делах”¹².

Долгое время понапрасну вызывавший президента на откровенность французский посол в США Ж. Жюссеран, лидирующая фигура среди дипломатов союзников в Вашингтоне, наконец-то осенью 1917 г. получил развернутый и вполне обязывающий ответ на вопрос, какие цели преследуют США в войне и каким они видят территориальный передел в Европе после ее завершения. Он был шокирован, узнав, что Вильсон предпочел видеть Австро-Венгрию в прежних границах, давая понять, что, обещая Габсбургской монархии сохранение ее целостности, рассчитывает подвинуть Вену к сепаратному миру и разрыву с Берлином. Разумеется, это выглядело всего лишь как зондаж. Можно было еще после этого потянуть время в ожидании реакции на разного рода устные заявления о мире, рассуждения о восстановлении европейского равновесия и т.д. Но тут в ход событий властно вмешался “русский фактор”, в поисках ответа на который Вильсон, по его собственным словам, “исходил кровавым потом”¹³. Отвергнутые Антантой большевики 3 декабря 1917 г. прекратили военные действия с Германией на две недели. А 6 декабря Троцкий обратился к послу США в Петрограде Д. Фрэнсису с тем, чтобы добиться от союзников ясного изложения своих целей в войне, которую народы ведут уже четыре года, не ведая, во имя чего льется кровь¹⁴. Произнесены были и ключевые слова: фактически все шесть пунктов Л.Д. Троцкого повторяли мирную программу Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, содержавшую помимо всего прочего призыв к самоопределению народов. Вильсон принял этот идеологический вызов, тем более, что вопрос о заключении сепаратного мира с Австро-Венгрией перешел в практическую плоскость. Желание перехитрить большевиков подталкивало к дипломатической и правовой изобретательности.

Побуждаемые мирной инициативой венских политиков и Вильсон, и английский премьер Ллойд-Джордж пришли к следующему выводу: введя понятия самоопреде-

¹⁰ См. Архив полковника Хауза, т. IV, М., 1944, с. 382–386.

¹¹ *Исламов Т.М., Хаванова О.В., Романенко С.А., Ненашева З.С.* Австро-Венгрия в период Первой мировой войны. – Война и общество в XX веке. Рук. проекта О.А. Ржешевский, кн. 1. М., 2008, с. 416–425.

¹² PWW, v. 45, p. 197.

¹³ Архив полковника Хауза, т. IV, с. 17.

¹⁴ Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918, Russia, v. 1. Washington, 1925, p. 258.

ления и “культуры свободы”, они сравнительно легко смогут убедить Велу, что, “не разрушая Австро-Венгрию”, создадут для нее лучшие условия существования, сделав уступку населяющим ее народам в виде признания их культурной самобытности и государственной автономии. Но и в таком виде, полагал государственный секретарь США Р. Лансинг, в который раз сам поменявший свои взгляды, трудно в будущем рассчитывать на стабильность в Европе и избавление от заражения разрушительным вирусом сепаратизма. Напуганный до предела большевистской революцией Лансинг был убежден, что безоговорочная защита принципа целостности и центризма усилит позиции союзников в России перед лицом очевидного стремления Германии расчлениить ее, воспользовавшись усилением внутренних склоков, центробежных тенденций и созданием карликовых образований – носителей распада на окраинах бывшей российской империи. Лансинг настойчиво взывал к благоразумию, полагая, что в рассуждениях о самоопределении содержится разрушительный заряд, а еще больше потому, что они могли вызвать несбыточные надежды¹⁵. Фраза Лансинга, брошенная невзначай, но прицельно бившая по президенту, несла на себе большую нагрузку – “идеализм хуже, чем бесполезная вещь”¹⁶

Вильсон внешне склонен был прислушаться к государственному секретарю, но из опасения, что результатом глухоты к требованиям нацменьшинств о предоставлении независимости станет успех пропагандистской кампании большевиков и осложнения с поддерживающими его (Вильсона) на выборах в США диаспорами чехов, ирландцев, поляков, финнов и т.д., он делает в конце концов выбор в пользу “мягкого” варианта самоопределения. Так появился тезис о “возможности свободного автономного развития” этнических образований в составе единого многонационального государства. Мы видим, что 10-й пункт знаменитых “Четырнадцать пунктов Вильсона” не содержал призыва к расчленению Австро-Венгрии, и даже соответствующий раздел «Официального американского комментария к “Четырнадцати пунктам”» излагал расплывчатый тезис о приверженности США программе национального единства и о поддержке программы создания конфедерации Юго-Восточной Европы¹⁷.

Четвертое. Государственный секретарь Лансинг на какое-то мгновение ощутил свое интеллектуальное превосходство и над коварными большевиками, и над идеалистом Вильсоном, предотвратив, как ему казалось, международную анархию, которую была способна вызвать уступка нацменьшинствам предоставлением им неограниченного права на самоопределение. К тому времени подоспело послание из Лондона, из которого явствовало, что англичане очень надеялись на прогресс своих переговоров с австрийцами об их выходе из войны на условиях отказа от развала Австро-Венгрии. Но, как оказалось, генерального замысла Вильсона госсекретарь не понял, стремясь подыгрывать англичанам в их желании добиться сохранения имперских привилегий.

Вильсон уклонился от публичного обсуждения. Однако, признавая, что проблемы, с которыми он сталкивался, по преимуществу являются “психологическими”, Вильсон, сославшись на этот раз на одобрение американцев, заявил, что занимается не дипломатическими маневрами, а ведет диалог с народами воюющих с Антантой государств, общаясь с ними напрямую, через головы их правительств так, как поступают “большевики в России”. Разясняя свою позицию, Вильсон заявил, что если призыв большевиков оставить без ответа, то это революционизирует и взорвет весь мир, ибо угнетенные народы хотят жить по “правилам и законам”, которые они сами для себя считают естественными и пригодными. Логика Вильсона отражала его оппортунизм: ход событий неумолим и приведет к неизбежному результату – “полной независимости различных малых народов, составляющих сейчас часть различных империй”¹⁸.

¹⁵ См. *Fleming Th.* The Illusion of Victory. America in World War I. New York, 2003, p. 319; *MacMillan M.* Paris 1919: Six Months that Changed the World. New York, 2003, p. VIII–IX.

¹⁶ Цит. по: *Романов В.В.* Указ. соч., с. 253.

¹⁷ Архив полковника Хауза, т. IV, с. 156.

¹⁸ PWW, v. 45, p. 455, 456.

Лансинг и союзники, ослепленные светом скорой победы, по-видимому, не до конца понимали опасности грядущего социального взрыва, который мог стать только еще мощнее из-за прямого следования политике дискриминации подвластных им народов. Однако позиция Лансинга, в целом совпадавшая с линией британских консерваторов на соблюдение ограниченной суверенизации, имитирующей освобождение, окончательно подвели Вильсона к принятию формулы конфедерализма, который включал предоставление народам Австро-Венгрии широкой автономии в рамках большого государственно-правового территориального образования, способного, по его мнению, облегчить достижение стабильности в Центральной Европе¹⁹. Однако ход событий, не подтвердив прогноза Лансинга, перечеркнул и стратегический план президента, обозначив более глубокие межи на карте Европы, которым предстояло в будущем только удваиваться за счет появления новых сторонников “своей страны” и “своей истории”. Проект конфедерации оказался невостребованным даже теми, кто, казалось бы, должен был ухватиться за него. Вильсон не ожидал подвоха и со стороны союзников, которые двинулись в направлении, прямо противоположном сделанным ранее заявлениям. Французы и англичане, поддержав Чехословацкий легион, сформированный и дислоцированный в России, и достигнув секретного соглашения с Э. Бенешем, лидером чехословацкого освободительного движения, в сущности, приняли на себя обязательства поддержать идею полной независимости Чехословакии. Такое решение шло вразрез с планами Вильсона, который длительное время отклонял мольбы Т. Масарика открыть дорогу к расторжению принудительных “брачных уз” австрийцев и венгров с чехами и словаками. Идеальные конструкции Вильсона, опиравшегося на американский опыт, разбились о коалиционную стратегию, в определении которой собственные интересы Франции и Англии играли важную роль. Вильсон должен был на ходу менять свой план обустройства Европы в нежелательном, в его понимании, духе. Б.М. Антербергер приходит к выводу: «Глубоко разочарованный Вильсон сказал Вайсману (речь идет о беседе президента с высокопоставленным представителем английского правительства в Вашингтоне. – В.М.), что США “отныне не имеют шансов заключить сепаратный мир с Австрией (на условиях создания конфедерации из входивших в нее территорий. – В.М.) и должны заняться подготовкой другого решения, которое ему крайне не импонирует, т.е. побуждая австрийский народ выступать против своего правительства путем заговоров и интриг”»²⁰.

Затягивание войны правыми в монархической верхушке Австро-Венгрии, находившейся в зависимости от Берлина, при небрежении эволюционной формой трансформации структуры монархии, как и предвидел В. Вильсон в беседе с английским послом С.Сесиль-Райсом в начале января 1918 г., привело “к опасным результатам”²¹. В октябре 1918 г. запоздалые заявления правящих кругов Австро-Венгрии о готовности признать “самоуправление” наций в рамках империи уже не имели никакого успеха. Австро-Венгрия распалась, застигнутая волной революций, чьи национальные цели были сформулированы не в последнюю очередь благодаря Вильсону. И вместе с падением империи Габсбургов растаяли и хрупкие надежды Вильсона на создание многонациональной конфедерации, гармонизирующей интересы титульной нации и суверенных автономий. Он и сам перестал уповать на них.

Парадоксальность европейской истории времен революционных событий 1918–1920 гг. состояла еще и в том, что именно новые государственные образования с этнонационалистической идеологической “начинкой” были негласно признаны державами

¹⁹ Ibid., p. 485. И во Франции, и в Англии речь даже шла об “усилении” и территориальном расширении Австро-Венгрии в обмен на сепаратный мир с Антантой (см.: *Ревякин А.В.* Франция и Россия: проблема сепаратного мира в 1917 году, или гонки на выживание. – Россия и Франция XVIII–XX века, вып. 2. Отв. ред. П.П. Черкасов. М., 1998, с. 208–210).

²⁰ *Unterberger B.M.* The United States, Revolutionary Russia, and the Rise of Czechoslovakia. Chapel Hill – London, 1989, p. 132.

²¹ Ibid., p. 456.

победительницами материалом для плотины на пути распространения революционного импульса, шедшего из России. Э. Хобсбоум, делая акцент на ключевой идее Вильсона – предоставлении прав на самоуправление народам, признанным достойными (кем, по каким критериям?) нести это бремя – так оценил плюсы для Антанты от усеченной формулы задуманных президентом США многонациональных конфедераций, с чем в итоге всем предстояло иметь дело на пространстве Восточной и Юго-Восточной Европы: “Образование новых малых наций-государств в русле вильсоновской линии, хотя и не решило вопроса о национальных конфликтах в зоне революции, тем не менее ослабило размах большевистской революции. Но это, в сущности, и было целью миротворцев из союзных стран”²².

Разъяснения Э. Хобсбоума позволяют лучше понять, почему “человек принципов” президент Вильсон без видимых внутренних колебаний принял ту послевоенную конструкцию мира, которая, мягко говоря, не вполне совпала с возникшей у него в голове весной 1917 г. идеальной моделью послевоенного устройства, в общих чертах напоминавшим некое подобие Соединенных Штатов Америки. Жизнь перечеркнула этот образ. В октябре 1918 г. Вильсон вынужден был согласиться с «Официальным американским комментарием к “Четырнадцати пунктам”», составленным его советником Э. Хаузом. В нем формула “свободного автономного развития”, изложенная в 10-м пункте его “энциклики” из 14 пунктов, объявлялась “недействительной”²³. “Вместо Австро-Венгрии”, т.е. территориально единого государственного образования на месте двуединой монархии возникли, как сказано в документе, “следующие элементы”: Чехословакия, Галиция, Югославия, Трансильвания и Венгрия. И с этим следовало считаться. Оговорки о приверженности “к программе национального единства” и поддержке программы создания конфедерации Юго-Восточной Европы уже ничего не меняли. Парижская конференция и серия последующих договоров внесли свою лепту в перекройку политической карты Европы, что оставляло их повисшими в воздухе.

Пятое. Дискуссия об окончательных итогах расчленения Австро-Венгрии и дробления Европы не утихает и поныне. Напротив, она становится всё злободневнее. Заметное место принадлежит той точке зрения, которую четче других сформулировал историк, политолог и экономист проф. Н. Фергюсон: мир, который последовал за Первой мировой войной, явился продолжением той же войны, но другими средствами²⁴. Именно таким, многими ожидаемым обернулось развитие Версальской системы, в основу которой был положен обоюдоострый “принцип национальностей”, или право наций на самоопределение в комбинации с призрачными гарантиями Лиги наций. “По всей Европе, – продолжает Фергюсон, – возникли коллизии между идеальным образом нации-государства и реальностью многонациональных обществ”²⁵, актуализировавших национальные амбиции и подорвавших культурные связи, которые установились за долгие годы в рамках больших территориальных общностей. Драма Вильсона так или иначе включала в себя предчувствие приступов коллективной психопатологии или мании национального величия в целом ряде стран, вылившихся в опасные реваншистские устремления одних в отношении пересмотра послевоенных договоров (“комплекс Трианона”), в мобилизационную истерию и милитаризованное мышление (ради “восстановления попорченной справедливости”) – других и сервильность впавших в полную зависимость от великих держав – третьих.

Итак, первый итог современной дискуссии состоит в том, что осуществление “принципа национальностей” не принесло желанного успокоения, не сняло внутреннего напряжения в международных делах Европы, хотя “глобальная перестройка” междуна-

²² Hobsbawm E. The Age of Extremes. A History of the World, 1914–1991. New York, 1995, p. 67.

²³ Архив полковника Хауза, т. IV. М., 1944, с. 154.

²⁴ Ferguson N. The War of the World. Twentieth-Century Conflict and the Descent of the West. New York, 2006, p. 141.

²⁵ Ibid., p. 160, 164.

родных отношений “по Вильсону” дала международному сообществу немалые плюсы и временные преимущества. Они отражали реалии тех лет, в том числе и назревшие требования общего процесса деколонизации в мире и проявления национальной идентичности. В этом смысле опыт самостоятельного существования и развития возникших на развалинах Габсбургской монархии национальных государств имел большое положительное значение при всех потерях, издержках и жертвах, сопутствовавших разрыву традиционных экономических, культурных и гуманитарных связей народов, которые ее населяли. Однако вместе с умножением состава семьи европейских государств и многоцветья национальных флагов в международную жизнь потоком ворвались проблемы, которые до сих пор не поддаются решению, оставаясь бременем на плечах будущих поколений.

Нельзя не сказать и об аналогиях с нашим временем (о чем вскользь упомянуто выше), которые возникают в сознании наших современников в связи с событиями государственного строительства после Первой мировой войны и в связи с распадом Габсбургской монархии. В книге английского историка М. Макмиллан о Версальской конференции 1919 г. об этом сказано с некоторыми публицистическими перегибами, но эмоционально ярко, остро, а главное – по существу: “Мы кое-что знаем о том, что такое жить в конце большой войны. Голоса 1919 г. очень сильно напоминают нам голоса нашего времени. Когда в 1989 г. холодная война закончилась и советский марксизм исчез в отвалах истории, старые факторы, религия и национализм, вновь дали о себе знать... Босния и Руанда напомнили нам, какими могучими могут быть эти силы. В 1919 г. возникло ощущение складывания нового порядка как следствия изменения границ и распространения новых экономических и политических идей. Это служило вдохновляющим и одновременно пугающим фактором в обстановке неустойчивого мира. Сегодня, говорят некоторые, угроза исходит от воинствующего ислама. В 1919 г. эту роль играл русский большевизм. Разница между прошлым и настоящим лишь в том, что после Второй мировой войны мы так и не смогли организовать мирную конференцию с участием всех стран. Время еще не наступило. Государственные деятели и их советники встречаются для коротких бесед, длящихся два или три дня, и улетают домой. А кто всё же может сказать, как проложить верный путь к решению мировых проблем?” Другими словами – сомнения остаются, главные события – впереди. Лучше всего послеверсальский дух эпохи с ее сомнениями, тревогами и страхами выразил Ж. Клемансо, чья роль в определении послеверсальского будущего была очень заметной. “Я не могу сказать, – говорил он в порыве откровенности, – сколько лет, а, возможно, мне следует сказать – сколько столетий начавшийся кризис будет продолжаться”²⁶.

2 ноября 2010 г. исполнилось 80 лет Виктору Леонидовичу Малькову, видному ученому-историку, постоянному автору нашего журнала. Редколлегия и сотрудники редакции журнала “Новая и новейшая история” сердечно поздравляют Виктора Леонидовича со знаменательным юбилеем и желают ему доброго здоровья и успешного воплощения в жизнь всех творческих замыслов.

²⁶ MacMillan M. Op. cit., p. XXVII, IX.